

МЕМОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Мария Львовна Шуб,

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Россия,
shubka_83@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2022, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Шуб М.Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей промышленных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 72–87. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

Аннотация

В статье анализируется один из уровней локальной идентичности – мемориальная идентичность, понимаемая как темпоральная (ретроспективная) связь отдельного человека или коллектива с социальной и/или пространственной средой обитания. На практике такая связь может воплощаться в восприятии города (села, региона – любого локуса) как своеобразной сцены разворачивания событий личной биографии (персонализированный тип мемориальной идентичности) либо как зеркала, в котором отражаются значимые вехи общегосударственной или мировой истории (социализированный тип мемориальной идентичности). Автор статьи на примере Челябинска и Магнитогорска, двух наиболее крупных промышленных городов Южного Урала, выделяет основные черты мемориальной идентичности их жителей. С одной стороны, это высокий аксиологический статус прошлого, оценка истории как источника чувства гордости за свой город (главным образом в контексте вклада южноуральцев в дело Великой Победы), обоснование личной привязанности к городу как месту рождения, детства, юности. С другой стороны, это чрезвычайно

© Шуб М.Д., 2022

низкий уровень реальной включенности в частные и официальные мемориальные практики, пассивность в создании медийного ретроконтента. Делается вывод, что на фоне достаточно критичного отношения населения к сложившейся в регионе ситуации (что связано преимущественно с экологическими проблемами) мемориальный компонент локальной идентичности может восприниматься как эффективный инструмент культурной политики, позволяющий снизить уровень социального напряжения, нивелировать остроту восприятия существующих проблем, укрепить степень привязанности населения к родному городу.

Ключевые слова:

идентичность, локальная идентичность, мемориальная идентичность, культурная политика, культурная память.

UDC 304.444

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_72

MEMORIAL IDENTITY IN THE LOCAL IDENTITY STRUCTURE OF INDUSTRIAL CITIES RESIDENTS IN THE SOUTHERN URALS

Maria L. Shub,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russia,
shubka_83@mail.ru

Article received on January 20, 2022, accepted on May 4, 2022

For citation: Shub, M.L. (2022). Memorial Identity in the Local Identity Structure of Industrial Cities Residents in the Southern Urals. *Discourse-P*, 19(2), 72-87. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_72

Abstract

The article analyzes one of the levels of local identity – memorial identity, understood as a temporal (retrospective) connection of an individual or a collective with the social and/or spatial environment. In practice, this connection can be embodied in the perception of a city (village, region – any locus) as a kind of scene for the unfolding of events of personal biography (personalized type of memorial identity) or as a mirror in which significant milestones of national or world history are reflected (socialized type of memorial identity). Using the example of Chelyabinsk and Magnitogorsk, two largest industrial cities of the South Urals, the author identifies the main features of the memorial identity

of their residents. On the one hand, there is a high axiological status of the past, assessment of history as a source of pride for their city (mainly in the context of the contribution of South Ural residents to the victory in the Great Patriotic War), justification of personal attachment to the city as a place of birth, childhood, and youth. On the other hand, there is an extremely low level of real engagement in private and official memorial practices, passivity in creation of media retrocontent. It is concluded that against the background of a quite critical attitude of the population to the current situation in the region (mainly related to environmental problems), the memorial component of local identity can be perceived as an effective tool of cultural policy – it allows reducing the level of social tension, leveling the acuteness of perception of existing problems, and strengthening the degree of attachment of the population to their hometown.

Keywords:

identity, local identity, memorial identity, cultural policy, cultural memory.

Введение

Один из крупнейших исследователей мемориальной культуры последних десятилетий А. Ассман в работе «Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» сформулировала и обосновала идею о том, что мы являемся очевидцами складывания нового, особого темпорального режима культуры, т. е. «комплекса культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» (Ассман, 2017, с. 15). Формирование такого режима началось в 80-е гг. прошлого столетия в связи с радикальным пересмотром мемориального контента (что следует помнить), его ценностно-мотивационных установок (для чего следует помнить) и способов его объективации (как следует помнить). Современный темпоральный режим и соответствующая ему мемориальная культура в сравнении с предыдущими характеризуются плюралистичностью интерпретаций минувшего; демократизацией процедур его освоения; постепенным перемещением живой коммуникативной памяти в пространство рациональной истории в связи с уходом свидетелей событий прошлого; включением в коммеморативные практики актов поминовения жертв собственных преступлений, ответственность за которые ложится на государство и на последующие поколения (Ассман, 2016).

Мысль о том, что современный мир входит (или уже вошел) в пространство новой мемориальной парадигмы, разделяется большинством представителей *memory studies*. Значимой предпосылкой этого процесса является масштабный кризис идентичности, проявляющийся на всех уровнях (от интернационального до локально-регионального) и в самых разнообразных формах (размывание границ национальных культур, дробление, диаспоризация идентичностей, появление их гибридных типов и пр.).

Наглядным отражением остроты происходящих в сфере идентичности процессов является тематическая повестка *Memory Studies*, крупнейшего жур-

нала в области мемориальных исследований. В течение последних 10 лет проблема идентичности занимает там одну из лидирующих позиций, инициируя внимание исследователей к самым различным ее аспектам – от формирования идентичности сексуальных меньшинств в восточных государствах до сложностей самоопределения национальных сообществ в условиях «материнской культуры» (Зубанова и др., 2021, с. 141).

Столь тесная связь мемориальной проблематики и идентичности продиктована, прежде всего, перекрестной ролью, которую играет идентичность в функционировании коллективной памяти и коллективная память в обеспечении процессов группового и индивидуального самоопределения. По убеждению Г. Кристмана, «развитие идентичности всегда должно рассматриваться в связи с общей историей общества... идентичность основана на историческом наследии, она заложена в коллективной памяти» (цит. по: Buerk et al., 2012, p. 340).

На сущностном и функциональном пересечении коллективной памяти и идентичности формируется *мемориальная идентичность*, т.е. темпоральная (ретроспективная) связь отдельного человека или группы с социальной и/или пространственной средой бытования. Иными словами, мемориальная идентичность проявляется в более или менее осознанном и деятельном принятии членами определенного коллектива контента культурной памяти (тех самых постулатов, ценностей и установок в отношении прошлого, о которых говорила А. Ассман), который этот коллектив считает для себя легитимным.

В наибольшей степени сущностная и функциональная взаимосвязь культурной памяти и идентичности изучена исследователями, среди которых П. Нора (1999), Э. Смит (Smith, 1993), С. Хантингтон (Huntington, 2004), Л. П. Репина (2017) и др., на примере масштабных сообществ, таких как нация. При этом уровень их локального взаимодействия (скажем, в условиях городского пространства) осмыслен значительно хуже, несмотря на то что сегодня именно локальность признается драйвером значимых социокультурных трансформаций (Canagarajah, 2002).

Результаты исследования

Изучение места и роли представлений о прошлом в контексте локальной идентичности обладает не только теоретической, но и *прикладной значимостью*, связанной с возможностью оценки уровня лояльности населения к месту проживания, форм его фактической и декларативной включенности в различные сферы городской жизни, степени привязанности к городу и формирования на этой основе эффективных стратегий политики памяти, культурной политики и регионального развития в целом. Вспоминается известная фраза В. Беньямина о том, что ничто не удерживает нас дома так, как связанные с ним воспоминания. Это романтическое высказывание вполне может монетизироваться современными региональными элитами в формате разного рода управленческих решений, особенно если понимать воспоминания и стоящую за ними мемориальную идентичность в предельно широкой перспективе – не только как ностальгию по проведенному в городе детству, но и как внутреннее совпадение с его тем-

поральным ритмом, как чувство сопричастности его истории, как ощущение корневой, почти тотемической связи с ним.

Структурно мемориальная идентичность формируется как результирующая нескольких содержательных уровней: рационально-оценочного (например, через осознание ценности города как важного исторического объекта), деятельностного (например, через участие в разного рода мемориальных практиках), знаково-символического (через наличие в городской среде темпорально значимых для жителей объектов или пространств) и эмоционального (главным образом через ощущение связи личной биографии и городского пространства).

В пространстве социокультурного бытования мемориальная идентичность может быть представлена как:

– «сцена», на которой разворачивались знаковые события горожан (рождение, первая любовь, смерть близких и пр.); в таком случае мы имеем дело с индивидуализированным уровнем мемориальной идентичности;

– «зеркало», в котором отражаются значимые вехи общегосударственной и/или мировой истории; в данном случае речь идет о социализированном уровне мемориальной идентичности, предполагающем восприятие города в контексте его зарождения, последующего развития, участия в масштабных исторических событиях, его выдающихся жителей, их достижений и пр.

В 2020–2021 гг. нами было проведено культурологическое исследование, направленное на изучение локальной идентичности жителей шести южноуральских промышленных городов – Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Озерска, Карабаша и Сатки. Несмотря на обращение в том числе к потенциалу таких общегуманитарных методов, как массовый опрос, полужформализованное интервью и нарративный анализ, по своим целям и задачам оно носило именно культурологический характер, что проявлялось, прежде всего, в стремлении не столько зафиксировать численно-статистические параметры процесса идентификации жителей региона с городами их локализации (количество тематических групп, постов, коммеморативных практик, городских сообществ и пр.), сколько понять природу этого процесса, определить особенности его протекания в разных городах, выявить корреляции с общим социокультурным, историческим, экономическим контекстом.

Была разработана авторская методика исследования, которая основывалась на таких методах, как нарративный анализ медиа- и пользовательского контента (10826 постов на областном информационном интернет-портале и сайте регионального телеканала; 24269 постов в городских тематических сообществах в социальной сети «ВКонтакте»), массовый опрос (объем выборки: 550 человек в Челябинске, 180 – в Магнитогорске), полужформализованное интервью (100 и 50 респондентов, соответственно).

Одним из направлений исследования стало выявление специфики мемориальной идентичности южноуральцев и возможностей ее использования как ресурса культурной политики. В рамках данной статьи представлены результаты изучения мемориальной идентичности жителей двух наиболее крупных городов Челябинской области – Челябинска и Магнитогорска, поскольку именно в них на фоне достаточно высокого уровня оттока населения и обострения

экологической повестки созидательный потенциал мемориальной идентичности наиболее очевиден.

Представим результаты исследования в индуктивной логике – от частного (результаты апробации отдельных методов) к общему (специфика мемориальной идентичности жителей анализируемых городов в целом).

Метод нарративного анализа медиа- и пользовательского контента. Целью его использования была фиксация уровня интереса к мемориальной тематике официальных и неофициальных медиа. В условиях медиатизации культуры идентификационная роль официальных СМИ и социальных сетей выходит далеко за пределы передачи информации: «Новые медиа не могут рассматриваться лишь технически-опосредованным режимом хранения или архивирования воспоминаний. Они выступают именно «живым» форматом функционирования, отражают максимально суггестивный характер переживания событий прошлого...» (Зубанова, 2020, с. 36).

Основными категориями нарративного анализа выступили: интенсивность продвижения мемориального контента (частота появления мемориально-ориентированной информации); тематика контента (преобладающий содержательный фрейм сообщений: культурная память, культурное наследие, осквернение памяти, коммеморация, память о Великой Отечественной войне, политика памяти, природное наследие, великие земляки); эмоциональная подача контента (негативно-критическая, трагическая, положительная, смешанная или нейтрально-констатирующая).

В пространстве региональных медиа (областной телевизионный канал ОТВ и информационный портал 74.ru), и особенно сетевых сообществ (группы «Типичный Челябинск», «Типичный Магнитогорск»), мемориальная тематика занимает периферийное положение (в среднем менее 1% от общего объема сообщений). Для сравнения: интенсивность публикации экологического материала оказалась существенно выше – около 26% в аналогичных источниках.

С точки зрения эмоциональной подачи наиболее востребованными (ОТВ – 29,4%, 74.ru – 19,7%, «Типичный Челябинск» – 34,2%, «Типичный Магнитогорск» – 26,7%) оказались нейтрально окрашенные сообщения, посвященные главным образом информации о реставрационно-восстановительных работах, субботниках, обнаружении археологических артефактов, разного рода коммеморативных мероприятиях и т. п. Мемориальные посты носили преимущественно констатирующий и описательный характер, не подразумевающий активной и острой реакции аудитории и не апеллирующий к ее чувствам (за исключением, пожалуй, чувств ностальгии в фотографиях старого Челябинска).

Содержание мемориальных сообщений позволяет сделать вывод о тотальном доминировании военного фрейма, связанного с тематикой Великой Отечественной войны, что свидетельствует о сохранении ее цементирующей роли в формировании и поддержании идентичности южноуральцев. Применительно к Челябинской области в целом и Челябинску в частности это вполне объяснимо, поскольку символы Великой Отечественной войны и Великой Победы непосредственным образом интегрированы в историю региона. Челябинск, как известно, в годы войны назывался Танкоградом. Сюда

были эвакуированы десятки крупных промышленных предприятий из многих советских городов, здесь было налажено производство военной техники (в том числе, знаменитых Т-34 и «Катюш»). В 2020 г. за особый вклад в дело Великой Победы Челябинску и Магнитогорску было присвоено звание «Город трудовой доблести».

Метод массового опроса. На основании результатов апробации данного метода были выявлены основные черты локальной идентичности челябинцев и магнитогорцев (в том числе ее мемориального компонента), оценена степень мемориальной активности респондентов, а также их восприятие мемориальной политики региональных властей.

В целом результаты массового опроса позволяют зафиксировать выраженную и консолидированную критическую позицию жителей Челябинска и Магнитогорска, транслируемую в достаточно широком содержательном диапазоне, но концентрирующуюся, прежде всего, на экологическом неблагополучии региона. Эта позиция красной нитью проходила через все ответы респондентов. Однако за этим весомым «слоем» негативных оценок следовали позитивно ориентированные ответы, занимающие вторые места по популярности и позволяющие сделать некоторые выводы относительно мемориальной идентичности южноуральцев.

Приведем два примера. В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось назвать три ключевых ассоциации, возникающих при восприятии собственного города. Жители и Челябинска, и Магнитогорска называли, прежде всего, негативные или сдержанно-отстраненные по характеру ассоциации – экологически неблагополучный город (Челябинск – 56,8%, Магнитогорск – 42,7%), город-завод (38% и 43,8%, соответственно). На втором по востребованности месте была группа ассоциаций, апеллирующих к прошлому респондентов, их детству и юности – город детства (28,6% и 33,6%), город-дом (20% и 20,8%).

Отвечая на вопрос об информации, благодаря которой их город известен в общероссийском пространстве, челябинцы чаще всего выбирали вариант «эта информация связана с негативной экологической ситуацией» (61,9%). Далее по популярности находился вариант ответа «информация о прошлом города, воинском и трудовом подвиге» (38,5%). Практически аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении Магнитогорска с той лишь разницей, что воинский и трудовой подвиг Магнитки виделся респондентам как лидирующая позиция во внешнем информационном позиционировании (48,66%), а данные об экологических проблемах занимали вторую строку популярности (41%).

Что касается реальной мемориальной активности самих респондентов, то ее можно назвать достаточно низкой, как по отношению к официальным, организованным, институционально регламентированным (городские праздники и мероприятия, официальные сетевые объединения и пр.), так и по отношению к неофициальным, приватным (семейные мемориальные традиции, личная мемориальная интегрированность в городскую среду) формам мемориальных практик.

Около 70% опрошенных не состоят ни в каких реальных или виртуальных сообществах, связанных с городской жизнью. Мемориальная активность

респондентов ограничивается формальным участием в Дне города и Параде Победы. Отвечая на вопрос, «есть ли в городе такие места, которые связаны с Вашей личной биографией, которые Вы посещаете?», подавляющее большинство челябинцев и магнитогорцев выбрали вариант «такие места есть, я просто храню их в своих воспоминаниях, но не бываю там» (вторым по частоте встречаемости стал ответ «таких мест нет»). Кроме того, из предложенных участникам исследования вариантов сохранения памяти о семейном прошлом как наиболее предпочтительные были выбраны те, которые не требовали от них высокой степени активности, деятельного участия, перемещения в пространстве, интеллектуальных и временных затрат и пр. (сохранение семейных альбомов, писем, празднование значимых семейных событий, памятных дат, посещение кладбищ).

В отношении официальной политики памяти (сохранение облика улиц, реставрация зданий и пр.) респонденты выразили консолидированное мнение о том, что «какие-то действия осуществляются, но нет четкой программы сохранения исторического наследия» (Челябинск – 57,75 %, Магнитогорск – 48,66 %).

Метод полуформализованного интервью. Данный метод позволил выявить специфику знаково-символического и эмоционального уровня локальной идентичности, в том числе посредством обращения к вопросам мемориальной тематики.

В рамках полуформализованного интервью, давая характеристику своим городам в субъективно-оценочном ключе (продолжая фразы «я люблю свой город, потому что...» и «я горжусь им, потому что...»), жители Челябинска и Магнитогорска сформулировали фактически универсальные ответы. Их «любовь» объясняется тем, что «это город моего рождения, детства и юности», «это город дорогих воспоминаний» (Челябинск – 86 %, Магнитогорск – 98 %); а чувство гордости связано, прежде всего, с тем, что «это город трудовой славы и доблести» (Челябинск – 98 %, Магнитогорск – 94 %).

Кроме того, участникам интервью было дано задание – нанести на воображаемую городскую карту места, объекты, символически важные как для самих респондентов, так и для их потомков. Челябинцы и магнитогорцы обозначили главным образом объекты, связанные, с одной стороны, с прошлым как таковым (историческая застройка, памятники основателям городов), с другой – с практиками его мемориализации (мемориальная скульптура и скульптурные композиции, музеи, этнопарки, иные памятники историко-культурного наследия). Можно также отметить и то, что, выполняя данное задание, респонденты сделали акцент на конструктивных символах – уникальных мемориальных объектах, интересной истории, во многом связанной и с освоением уральской земли еще в XVIII в., и с ударными стройками первых пятилеток, и с героическим вкладом в дело Великой Победы.

В целом доминирование ретроориентированных знаково-символических мест городского ландшафта может объясняться, с одной стороны, тем, что идентичность легче выстраивается в отношении прошлого, чем в отношении настоящего или будущего, поскольку именно прошлое, по словам Э. Смита, ассоциируется с «чем-то, что прошло проверку временем, закрепилось в соци-

альном сознании в качестве надежного и значимого» (Smith, 1993, p. 78). Кроме того, именно представления о минувшем как пространстве опыта во многом определяют способы коллективной интерпретации актуальной действительности, закладывают ценностные и нормативные коды существования. С другой стороны, особый ценностный статус прошлого продиктован незначительным количеством значимых идентификационных символов, появившихся в последние десятилетия. А появившиеся в большинстве своем транслируют идеи истоков, происхождения, общей исторической судьбы, а не ассоциируются с настоящим.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей мемориальной идентичности жителей Челябинска и Магнитогорска.

1. Мемориальная идентичность играет *созидательную роль* в структуре локальной идентичности южноуральцев. Результаты исследования позволяют увидеть наличие устойчивых корреляций между позитивным восприятием респондентами своих городов и образами прошлого (исторического/государственного или личного/биографического).

2. Такое распределение мнений во многом детерминирует вторую особенность мемориальной идентичности – ее *противопоставленность* и даже *конфликтность* иным компонентам локальной идентичности, в частности, связанным с восприятием «городского настоящего». Локальная идентичность формируется на линии разрыва между позитивным восприятием прошлого и критическим отношением к современности. Если прошлое и челябинцами, и магнитогорцами рассматривается как повод для гордости, как источник теплых чувств и воспоминаний, как мощный идентификационный ресурс, нуждающийся в сохранении для потомков, то настоящее устойчиво ассоциируется с актуальными проблемами – экологическим неблагополучием, инфраструктурной неразвитостью, бездействием властей и пр. Вероятно, такая ситуация может объясняться, с одной стороны, ассоциированностью прошлого, особенно недавнего, советского, с героическими событиями, Великой Победой, лидирующим положением нашей страны на международной арене, достижениями в сфере производства, науки и культуры; с другой – отсутствием такого рода ассоциаций с непредсказуемым, нестабильным, полным проблем настоящим, идеологические основания которого строятся, по словам И. Калинина (2010), на принципах «ностальгической модернизации», т. е. обращенности к достижениям прошлого.

3. Мемориальная идентичность носит *идеально-символический характер*, т. е. связана главным образом с представлениями, но не действиями. Признавая значимость прошлого, респонденты практически никак не интегрируются в различные формы мемориальной активности, дистанцируясь от личного участия в продвижении, пропаганде, сохранении прошлого. Это может быть связано как с общей социальной пассивностью населения Челябинска и Магнитогорска, которая проявляется не только в сфере мемориальных про-

ектов, но и во многих других сферах – от посещения учреждений культуры до участия в волонтерских инициативах; так и с синдромом «минусового действия» (Т. Берк). Смысл этого синдрома сводится к тому, что люди, как правило, проявляют личную или групповую активность лишь в связи с негативными поводами (например, открытие Томинского ГОКа в Челябинской области), тогда как позитивные или нейтральные поводы не служат импульсом для такого рода коммуникаций.

4. Можно говорить о *ресурсной периферийности* мемориальной идентичности, о недостаточном использовании ее позитивного потенциала как инструмента повышения лояльности жителей крупнейших южноуральских городов к своей малой родине. Как мы фиксировали выше, в официальных региональных СМИ ретропроблематика не является востребованной. Это свидетельствует об отсутствии государственного «заказа» на мемориальный контент, опыта использования его как значимого ресурса культурной политики в целом и имиджеобразования в частности. Такая медийная ситуация, не достаточно учитывающая место и роль прошлого в структуре локальной идентичности, не способствует ее укреплению, а, напротив, расшатывает и дестабилизирует. Подобный эффект, оказываемый СМИ на промышленные моногорода Германии, детально изучили Т. Берк, М. Кюн и Х. Соммер, назвав его эффектом стигматизации: «Стигматизация усиливает уязвимость коллективных идентичностей, поскольку городам приписываются негативные характеристики, затрудняющие идентификацию с городом для жителей, жителям. Стигматизация развивается через дискурсы СМИ, приписывающие индивидуальные негативные характеристики конкретным местам, которые обобщаются для формирования общего негативного образа города в целом» (Buerk et al., 2012, p. 346).

На наш взгляд, мемориальная идентичность может и должна рассматриваться региональными элитами как эффективный инструмент культурной политики, позволяющий снизить уровень социального напряжения, нивелировать остроту восприятия существующих проблем, укрепить степень привязанности населения к родному городу. Безусловным является тот факт, что мемориальная идентичность не ограничивается ностальгическими воспоминаниями о собственном детстве или гордостью за великое прошлое родного города. Она является мощной платформой для формирования образа будущего, построения прогностических моделей поведения населения: «Прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее, по существу, сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» (Репина, 2017, с. 15).

Кроме того, культурная политика, основанная на использовании созидательного потенциала мемориальной идентичности в ее локальном бытовании, может стать источником баланса в противостоянии двух актуальных трендов – стремления к разнообразию и обретению идентичности (Синецкий, Шуб, 2021), поскольку именно мемориальная идентичность позволяет представителям группы, с одной стороны, выйти за темпоральные и пространственные рамки ее бытования в сферу личного и исторического опыта, удовлетворив потребность в разнообразии; с другой – сделать этот опыт частью собственной «среды обитания», источником и условием духовной консолидации.

Приложение 1

Бланк анкетного опроса

Вопрос 1. Какие ассоциации возникают у Вас прежде всего при восприятии города (не более 3 вариантов)?

Вариант ответа
1. Город детства
2. Город-завод
3. Город-дом
4. Город трудовой славы
5. Закрытый город
6. Провинциальный город
7. Промышленный город
8. Экологически неблагополучный город
9. Умный город
10. Город – деловой центр
11. Город возможностей
12. Город развлечений
13. Опасный город, криминальный город
14. Спортивный город
15. Современный город
16. Культурный город
17. Город природного наследия
18. Город будущего
19. Город передовых технологий
20. Не возникает никаких ассоциаций
21. Затрудняюсь ответить

Вопрос 2. Уделяется ли в Вашем городе внимание исторической памяти – облику улиц, восстановлению исторических зданий, состоянию памятников, сохранению информации о прошлом города?

Вариант ответа
1. Уделяется пристальное внимание, история города бережно сохранена в сегодняшнем дне

Вариант ответа	
2.	Какие-то действия осуществляются, но нет четкой программы сохранения исторического наследия
3.	Не располагаю информацией и не особенно обращаю внимание на исторический облик города
4.	В нашем городе не сохраняется память о прошлом, не чувствуется связи с историческим наследием, никто не заботится о состоянии памятников и исторических мест
5.	Свой вариант
6.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 3. В каких официальных мероприятиях, связанных с сохранением памяти, Вы принимаете участие?

Вариант ответа	
1.	День города
2.	Парад Победы
3.	Общественные слушания по актуальным городским вопросам
4.	Участие в работе поисковых отрядов
5.	Встречи с земляками и интересными людьми
6.	Участие в работе краеведческих организаций
7.	Свой вариант
8.	Не принимаю участия в таких мероприятиях
9.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 4. Состоите ли Вы в каких-то реальных или виртуальных сообществах, связанных с Вашим городом (волонтерских организациях или тематических городских сообществах в социальных сетях)?

Вариант ответа	
1.	Да, состою в реальных и виртуальных сообществах
2.	Состою только в реальных сообществах
3.	Состою только в виртуальных сообществах
4.	Не состою
5.	Свой вариант
6.	Затрудняюсь ответить

Вопрос 5. Есть ли в городе такие места, которые связаны с Вашей личной биографией, которые Вы посещаете, чтобы поддерживать дорогие Вам воспоминания?

Вариант ответа
1. Да, такие места существуют, я стараюсь их посещать в памятные даты
2. Такие места есть, я просто храню их в своих воспоминаниях, но не бываю там
3. Нет никаких особых мест памяти
4. Затрудняюсь ответить
5. Свой вариант

Вопрос 6. Какие формы сохранения памяти о прошлом характерны для Вашей семьи?

Вариант ответа
1. Сохранение семейных альбомов, писем
2. Поиск информации о предках, родственниках – их биографиях, составление генеалогического древа
3. Празднование значимых семейных событий, памятных дат
4. Посещение мест поминаения
5. Выезды на места, где когда-то жили предки/родственники
6. Восстановление старинных вещей, оставшихся от предков
7. Воспроизведение семейных традиций, которые заложили предки
8. В нашей семье не принято сохранять память о прошлом

Вопрос 7. На Ваш взгляд, в общероссийском пространстве Ваш город известен в связи с...?

Вариант ответа
1. Информацией о прошлом города, воинском и трудовом подвиге
2. Информацией об экологическом неблагополучии
3. Информацией о работе промышленных предприятий, развитии новых технологий и производств
4. Какими-то памятными событиями
5. Информацией о природных и культурных достопримечательностях, находящихся на территории города или вблизи него
6. С былинными сказаниями об Урале
7. Информацией о выдающихся жителях города
8. Информацией о научных достижениях

Вариант ответа
9. Своими спортивными достижениями
10. Продвижением образа города творческими коллективами и исполнителями
11. Информацией о проблемах жизни города
12. Свой вариант
13. Наш город мало известен в общероссийском пространстве
14. Затрудняюсь ответить

Приложение 2

Бланк полужформализованного интервью

Вопрос 1. Какие наиболее запоминающиеся исторические символы, образы, памятные места и достопримечательности Вы могли бы выделить?

Вопрос 2. Представьте себе, что к Вам приехали люди, ранее не бывавшие в Вашем городе и желающие в короткое время познакомиться с ним. В какие места Вы бы их повели?

Вопрос 3. Если представить ситуацию, что Вам предложили бы сохранить для потомков какое-то одно место (объект, предмет) в Вашем городе. Что бы Вы выбрали?

Вопрос 4. Завершите суждения, связанные с Вашим городом:

- 4.1. Я люблю свой город, потому что...
- 4.2. Мне не нравится в моем городе...
- 4.3. Я горжусь своим городом, потому что...
- 4.4. Мне жаль, что в моем городе...

Список литературы

1. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, А. (2017). *Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Зубанова, Л.Б. (2020). Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве. *Дискурс-Ли*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>
4. Зубанова, Л.Б., Зыховская, Н.Л., Шуб, М.Л. (2021). Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала *Memory Studies*. *Социологические исследования*, (2), 140–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>
5. Калинин, И. (2010). Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, (6), 6–16.
6. Нора, П. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

7. Репина, Л.П. (2017). Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности. В Л.П. Репина (Ред.), *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности* (с. 9–17). М.: Аквилон.
8. Синецкий, С.Б., Шуб, М.Л. (2021). Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности. *Вестник культуры и искусств*, (3), 75–84.
9. Buerk, T., Kühn, M., & Sommer, H. (2012). Stigmatisation of cities. The vulnerability of local identities. *Raumforschung und Raumordnung / Spatial Research and Planning*, 70(4), 337–347. <https://doi.org/10.1007/s13147-012-0160-4>
10. Canagarajah, S. (2002). Reconstructing local knowledge. *Journal of Language Identity & Education*, 1(4), 243–259. https://doi.org/10.1207/s15327701jlie0104_1
11. Huntington, S.P. (2004). *Who are we: The challenges to America's national identity*. New York: Simon & Schuster.
12. Smith, A.D. (1993). *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press.

References

1. Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [The new discontent with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Assmann, A. (2017). *Raspalas' li svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? On the rise and fall of the modern time regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Buerk, T., Kühn, M., & Sommer, H. (2012). Stigmatisation of cities. The vulnerability of local identities. *Raumforschung und Raumordnung / Spatial Research and Planning*, 70(4), 337–347. <https://doi.org/10.1007/s13147-012-0160-4>
4. Canagarajah, S. (2002). Reconstructing local knowledge. *Journal of Language Identity & Education*, 1(4), 243–259. https://doi.org/10.1207/s15327701jlie0104_1
5. Huntington, S.P. (2004). *Who are we: The challenges to America's national identity*. New York: Simon & Schuster.
6. Kalinin, I. (2010). Nostal'gicheskaya modernizaciya: sovetskoe proshloe kak istoricheskij gorizont [Nostalgic modernization: The Soviet past as historical horizon]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture*, (6), 6–16.
7. Nora, P. (1999). *Franciya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
8. Репина, Л.П. (2017). Pamyat' i znanie o sobytyah proshlogo v istoricheskom soznanii i narrativah identichnosti [Memory and knowledge about events of the past in historical consciousness and narratives of identity]. In L. P. Repina (Ed.), *Sobytie v istorii, pamyati i narrativah identichnosti* (pp. 9–17). Moscow: Akvilon.
9. Sinetsky, S.B., & Shub, M.L. (2021). Kul'turnaya politika v kontekste protivorechij raznoobraziya i identichnosti [Cultural policy in the context of diversity and identity contradictions]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, (3), 75–84.
10. Smith, A.D. (1993). *National identity (Ethnonationalism in comparative perspective)*. Nevada: University of Nevada Press.

11. Zubanova, L.B. (2020). Media-reprezentacii pamyati: dominiruyushchie kody prochteniya travmatichnyh sobytij v internet-prostranstve [Media representations of memory: Codes for reading traumatic events in the Internet]. *Diskurs-Pi*, 17(4), 26–39. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10402>

12. Zubanova, L.B., Zykhevskaya, N.L., & Shub, M.L. (2021). Aktual'nye trendy pamyati: problemnoe pole zhurnala Memory Studies [Actual trends of memory: The problem field of “Memory Studies”]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 140–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>

Информация об авторе

Мария Львовна Шуб, доктор культурологии, заведующая кафедрой философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru

Information about the author

Maria Lvovna Shub, Doctor of Cultural Studies, Head of Philosophy and Cultural Studies Department, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3159-6391>, e-mail: shubka_83@mail.ru